

ИГОРЬ СЕРЕДЕНКО

ПРОБУЖДЕНИЕ

рассказ

1.

У каждого должна быть своя работа. Мне моя нравится. Я, можно сказать, живу ею. Вот за окном едва пробуждается рассвет, а я уже на ногах. Первым делом надо умыться, потом подышать первым утренним дыханием и увидеть первый луч, для меня он всё равно, что первый крик петуха, пробуждающий нашу деревню. Встаю я раньше петуха, но позже лесных птиц. Мне как лесничему ещё до пробуждения деревни предстоит обойти некоторые участки нашей дивной природы.

Во дворе ещё царствовали сумерки. Я бросил взгляд в сторону леса, там за горизонтом лениво поднималось солнце, окрашивая край лесистой долины в золотистые оттенки.

Странно, обычно Полкан встречал меня у калитки, чтобы сопровождать по лесным тропам. Наверное, спит, умаялся вчера, будить не стану.

Я вышел за ограду и в одиночестве побрёл по дороге. Дома, расположенные слева и справа от меня, были ещё в темноте. Обычно на повороте, с левой стороны, в это время загорался свет в оконце. Да, видимо, Фёдор, позже меня встанет. Наверное, вчера до заката работал в поле на своём тракторе. Приятно быть первым.

У высокого дерева, где справа тихо журчал ручей, огибая преграды, я свернул направо и пошёл по тропе вдоль спящего ставка. Рыбаков наших я не увидел. Неужели я и их опередил? Ну, не беда, на обратном пути, я их застану. Посмотрим, что они поймают.

По откосу я спустился на лужайку, где пасутся наши коровы. В темноте я обычно наступал в коровий помёт, но сегодня пронесло. Поднялся на холм и пошёл по тропе, ведущей к опушке леса.

Только сейчас я вспомнил, почему у меня такое приподнятое настроение. Ведь сегодня в пять я встречаюсь с Галей, этим прелестным цветком, наделённым карими глазами и чёрными, словно грива, волосами. Стройная, крепкая, быстрая, она мне напоминала молодую лошадку из нашего сельского табуна.

Ах, как чудесны эти вечерние зори, тёплые, нежные, когда мы с Галей прогуливались вдоль ставка, держа друг друга за руку. Никогда не забуду её чуть влажную ладонь, слегка сжимавшую мою руку. Я чувствовал её трепетное волнение, её тихий, но волнующий стук сердца. А стоит мне в такие минуты, когда мы наедине, посмотреть в её глаза, как она отводит свой взгляд, будто смотрела не на меня.

Я дошёл до колхозной фермы и с удивлением обнаружил, что деревянные ворота открыты. Кто же это забыл их закрыть? Или Иван опередил меня? Нет, этого не может быть. Вчера я расстался с ним у клуба, куда он спешил, чтобы погулять со своей Зиной. Я осторожно, словно вор, вошёл в ворота, заметив с ужасом, что петля соскочила и ворота наклонились. Что-то неладное случилось. Во мне уже пробудилась тревога, но, как ни странно, волнующие удары в груди я не слышал, наверное, моё сердце от страха спряталось. Я хотел взять в руки что-то подходящее для защиты, но ничего не нашёл. Лишь когда я подошёл ближе к конюшне, я понял, что и тут ворота кто-то открыл, да не просто открыл – выломал их, одна створка висела на петлице, другой вовсе не было. Только теперь я понял свою ошибку. Тишина, не было собаки, охранявшей конюшню и ржания лошадей, которое я всегда слышал, когда открывал ворота.

Внутри было пусто. Кто-то похитил весь табун, все пятьдесят голов породистых лошадей. Кто скажет председатель? У него большое сердце. Он с таким трепетом относился к своим любимцам. Для него лошади были частью жизни. Я обязан найти этих подонков, что похитили их. Я уже собирался выйти наружу, как вдруг заметил зияющую в крыше тёмно-синюю дыру. Ничего себе! Они пробили крышу и влезли внутрь. Довольно странное проникновение – не проще ли было сломать наружный замок? Нет,

здесь что-то не так, ведь замка-то я не обнаружил, а ворота разбиты. Пёс бы учуял и услышал удары и топот. Нет, здесь решительно что-то не так.

Я побродил по тёмным уголкам конюшни, пытаюсь отыскать хоть какой-то след. Когда я вышел наружу, солнце уже освещало загон. Я вернулся. Так и есть, на крыше дыра, огромная дыра. Кто ж такое сделал? Мой тревожный взгляд натолкнулся ещё на одно странное разрушение. Ограда была сломана в трёх местах. Кое-где и вовсе отсутствовали перегородки, ограждающие загон.

С большим беспокойством я вышел на тропу и быстро направился в сельсовет. По дороге надо зайти к Фёдору, нашему участковому, потом к председателю.

Какое же было моё разочарование, когда я, не решаясь войти в дом Федора, долго звал его, топчась на месте у калитки, а он так и не вышел. Председателя я тоже не застал, вернее, мне никто не открыл, никто ко мне не вышел, словно они куда-то ушли, забрав с собой свои семьи. Ладно, не буду будить.

В сельсовете никого не было, на дверях был замок, значит, Дуся, которая обычно поднималась раньше всех в сельсовете, чтобы освежить кабинеты, открыть окна, полить цветы и выпустить собаку, не пришла на работу. Ни собаки, ни уборщицы я не увидел. Я заглянул в окно. Ряды сидений в большом зале мирно покоились перед сценой, ожидая людей. Внутри было тихо. Я обошёл здание.

Никого не встретив, я решил зайти в бар, там всегда кто-то есть. Новость о пропаже наших лошадей должна пробудить даже пьяных. Но и здесь меня ждало разочарование, – бар был пуст. Я не любитель выпить, в последний раз я был здесь неделю назад, когда провожал соседа Сергея. У него родился второй сын, первый – ходил в школу, в третий класс.

Солнце уже поднялось так, что крыши домов озолотились.

Когда я свернул с переулка на дорогу, в надежде встретить односельчан, то не узнал дороги. Ещё три дня назад я шёл по ровному асфальту, теперь же я видел перед собой десятки колдобин и рытвин, словно ночью по ней проехала колонна тяжёлых танков, а потом её добротной побил градом снарядов. Я растерялся. Я стоял с раскрытым ртом, с ужасом в глазах и безумием в мыслях.

Всё внутри меня переворачивалось в хаосе. Один вопрос зловец мучил меня: что случилось, когда я спал?

Я увидел остановку и пошёл к ней. Я был здесь пять дней назад, когда провожал Гаю в город. Куда делись цветы вдоль дороги? Кто их вырвал? Я стал смутно догадываться, что этой ночью что-то произошло в нашей деревне. Я молча, почти с бездумным взглядом, смотрел на испещрённую выбоинами каменистую стену остановки: краска облезла, кирпичи местами разбиты, хотя объявления и надписи были на месте. Вот и моя надпись: «Гая», а напротив имени – сердце. Я сделал её пять дней назад, когда Галя садилась в автобус.

Машин не было, людей тоже. Всё это было до крайности странно, ведь солнце уже поднялось и заливало своими тёплыми весенними лучами всю деревню. Я вспомнил, что сегодня выходной день, конец недели. Но даже в такой день я должен был кого-то встретить на дороге.

Направляясь обратно к селу, я увидел собаку. Лохматая, бурая собачонка продолжала свой шаг и, словно не замечая меня, даже когда я её попытался приманить, скрылась в дыре ограды. Лишь ласточки радовались весенним тёплым лучам и цветению зелени, наполнявшей приятным благоуханием воздух. Утренняя свежесть и голоса этих ловких и грациозных пернатых немного успокоили меня.

Школу я застал в ужасном виде. И дело было совсем не в здании, оно по-прежнему стояло рядом с полем и рощей. Двухэтажное серое здание, запёртое и пустующее, навело на меня какую-то тоску, сжигающую мой интерес к жизни. Глядя на разбитые ступеньки у входа в школу, я вдруг почувствовал себя ужасно одиноким, брошенным всеми. Я вдруг с ужасом подумал, что эта трагедия произошла не с селом, а со мной. Изменилось не всё вокруг, а всё внутри меня.

2.

Мне уже незачем было сторожить лесные уголья от браконьеров, озёра от рыбаков, лошадей от воров. Всё это куда-то от меня ушло, стнило, растворилось во времени. Я ещё раз прислушался к природе. Отчётливо видел яркие краски весны, её свежее дыхание, ласточек, пикирующих в воздухе, ловя насекомых, стрекотню кузнечиков и певучих сверчков. Но, несмотря на эти душистые запахи и звуки природы, всё же чего-то не хватало. Я начал вспоминать: чего не хватало? И неожиданно вспомнил. Не хватало присущих деревне запахов: сена, коровьего навоза. Без этих запахов село безвкусно, мертвенно.

Я быстро встал и, как безумный учёный, которого осенила чудовищная догадка, направился к бли-

жайшему дому. Теперь я не стал звать или дожидаться хозяев, которые бы открыли калитку, вышли бы ко мне, впустили бы к себе в хату, как добрые соседи и приветливые хозяева. Я перелез через ограду и оказался во дворе. Ни свиней, ни коровы я не обнаружил, а ведь это была хата Степановых. Вера Степанова, сорокапятилетняя женщина, хвалилась тем, что её корова могла дать ведро молока. Я у неё каждую среду покупал два кубшина молока. Дом был заперт, окна закрыты ставнями. Куда она могла уйти, и зачем закрывать окна? Собаки также не было. Другие дома мне показались более запустелыми, не было ни птицы, ни скота, правда, иногда встречались коты и одичалые, пугливые собаки. Куда делись все люди?!

Шагая по утопленной сельской дорожке, я шёл вдоль оград, за которыми не было жизни. Теперь я это чувствовал. Я с ужасом поглядывал на заброшенные дворы, закрытые, одичалые и полуразрушенные дома, где вчера ещё кипела жизнь.

Я дошёл до деревянной церкви, где хозяином был тридцатидвухлетний молодой человек, дьяк Мирослав Дмитриевич. Он всегда ухаживал за садом, позади церкви, своими руками построил его. Сад порос бурьяном. Здесь я не был с месяц. Неужели наш дьяк забросил садоводство, которым так любил заниматься? У входа в церковь я увидел разбитую скамейку. Дверь была открыта.

Внутри церкви, в полумраке горело несколько свечей, а у алтаря я увидел женщину, склонившую голову и как будто читающую шёпотом молитву.

Я ещё ни разу не был так рад, видя человека. Я не один, а значит, это не безумие. Просто все куда-то ушли, прихватив с собой домашний скот. В моей всё ещё безумной голове роились мысли, не дававшие мне покоя. Я чувствовал, что здесь что-то не так. Разгадка была впереди, совсем близко.

Я тихонько, чтобы не прервать молитву, обошёл женщину слева и затаился во мраке у колонны, наблюдая за ней. Теперь я видел её сбоку. Она кого-то мне напоминала, видимо, кого-то из односельчан. Что-то похожее, какие-то знакомые черты, показавшиеся мне родными. На вид ей было сорок пять-пятьдесят, не больше. Я отчётливо видел морщины, скорбный вид её утомлённых и грустных карих глаз. Женщина стояла на коленях перед кровоточащим гипсовым Иисусом. Вдруг я вспомнил, что месяц назад, когда я был в церкви, то видел деревянного с позолотой, а не гипсового Иисуса. Мирослав ещё гордился тем, что в его церкви находилось распятие, которому было свыше трёхсот лет. А это мне казалось простым и хрупким, не вечным и не надёжным.

Я осторожно, чтобы меня не услышала женщина, – я боялся, что она исчезнет, как сон, – подкрался ближе к ней. Теперь я мог слышать её тихое бормотание.

– Я прошу тебя, защити нашу деревню, – говорила женщина, опустив глаза. – Я знаю, что ты не такой сильный, как прежний Иисус. Но раз ты в божьем храме, то Господь через тебя должен услышать мой голос. Я прошу не за себя. Я уже довольно настрадалась за свою жизнь, – женщина перекрестилась и продолжила, подняв морщинистые глаза на статую. – Почему ты оставил нас? Мы построили тебе церковь, мы заботились о природе, мы любили этот богатый край, мы любили жизнь. Они все ушли, покинули деревню... Да, я знаю... но ведь они не могли жить на этой земле, обескровленной, без зарплат и пенсий. Город брал всё, и давал взамен копейки, чтобы мы не умирали, а выживали. Первой дала сбой техника: комбайны и трактора сломались, у нас не было возможности купить новые детали; потом посредники – они выкупали за копейки весь наш урожай, не давая взамен равноценное, словно клопы – высасывали из нас кровь; затем доконали нас чиновники – не прислушиваясь к нашим просьбам, будто немые статуи. Нас окружила армия слепцов и глухих, равнодушных хитрецов.

Наша молодежь стала покидать нас, здесь для них не было будущего. Остались старики, доедавшие последнее, но и они стали умирать. Покупка дорогостоящих лекарств для них стала невозможной. Кто мог – уехал в город, оставляя свои дома и пустые дворы. Здания, без присмотра, стали разрушаться непогодой, дороги в нашу деревню, которая когда-то была лучшей в области и кормила город с излишком, давая людям мясо, молоко, яйца, колбасу, мёд, виноград, сало, пшеницу, масло, вино, фрукты, теперь исчезли, а сама деревня поросла бурьяном. Я последний житель! Я прошу тебя, сними с нас проклятье, помоги нам. Пусть люди вернуться в свои дома, пусть заведут скот, пусть здесь вновь появятся детские голоса, а поля покроются золотым урожаем, пусть чиновники в городе обратят на нас внимание, ведь без нас и им будет худо.

Женщина перекрестилась, поднялась с колен и развернулась, чтобы уйти.

Мне было жаль эту поседевшую, но ещё не старую женщину, всеми покинутую, обезумевшую, ибо я не поверил ей. Я решил выйти из укрытия, чтобы успокоить её. Но как только я готов был это сделать, я вдруг ясно, в свете солнечного луча, пробившегося сквозь высокое оконце в стене церкви и падающего под углом сверху на скамью, где рядом стояла эта несчастная, отчётливо увидел её бледное, исхудалое лицо, позолоченное солнечными лучами. От зловещего ужаса, внезапно охватившего меня, я вздрогнул,

внутри меня всё похолодело, я не мог пошевелиться. Её лицо хранило очень знакомые мне черты. Она напоминала мне Галю, но её лицо было покрыто морщинами. Этого не может быть! Мне трудно было поверить в то, что я увидел.

Женщина вышла из церкви, я, преодолевая свою слабость и душевные страхи, окутавшие меня, заставил себя пойти вслед за ней. Она обогнула церковь, прошла мимо поросшего бурьяном сада, подняла с земли корзину с грибами, собранными ею в лесу, и направилась по запустевшей аллее к кладбищу.

Следуя за ней и прячась за кустами и деревьями, я вспоминал, как когда-то с юной, прекрасной девушкой с карими глазами собирал в лесу грибы. Тогда прошёл дождь, утром в лесу было свежо, пели птицы, в воздухе благоухали цветы, а на сырой земле прятались меж деревьев крошечные гномики в шапочках, спрятавшись от нас под листвой, усеянной прозрачными жемчужинами росы. Я вспомнил её свежее, упругое, стройное тело, нежный взгляд, её девичий ласковый голосок, её тёплый и влажный поцелуй, который я не забуду никогда.

Мы вошли на территорию заброшенного кладбища. Она остановилась возле ухоженной могилы – единственной, где была чистота и порядок, цветы здесь регулярно менялись, они не успевали засохнуть. Женщина села у могилы, вынула из корзины цветы, которыми были усыпаны недавно собранные грибы, собрала их в букет и положила бережно в алюминиевую вазу, а старые, увядшие цветы, вынутые из воды, она забрала в корзину, положив их поверх грибов.

Я и сейчас не решился подойти к ней, ведь она изменилась. Да и она ли это? Я не был в этом уверен. Женщина встала, поправила юбку, платок на голове и пошла по аллее к выходу.

Снедаемый диким любопытством, я подошёл к могиле, где только что сидела эта женщина, отдалённо напоминавшая мне мою девушку. На могильной дощечке я не увидел ни фамилии умершего, ни дату его смерти. Неровными буквами там были нацарапаны знакомые мне слова, которые когда-то ласково говорила мне Галя: «Зеленоглазый кузнечик».

Я НЕ ПЕРВЫЙ!

рассказ

Два бестелесных ангела остановились перед планетой, имеющей спутник. Эти два лёгких, прекрасных и чистых создания перемещались по Вселенной в сфере, способной перенести их в любую точку безграничного космоса со скоростью мысли. Что-то их привлекло и манило к этой загадочной планете, рядом с которой они парили, подобно лёгким облакам?

– Вот эта голубая жемчужина, – сказал ангел, которого звали Изо, – а рядом с ней её белый спутник. Вы её вспомнили, Дир?

– О, Изо, вы пробудили во мне нечто давно уснувшее.

– Что вы чувствуете к ней? Какие воспоминания она возвращает вам?

– Нет, Изо, не пытайтесь, я многое повидал во Вселенной и многие развлечения испробовал. Помню лишь, что эта планета называлась... не то Земля, не то Вода.

– Совершенно верно, она называлась Земля.

– Да, вспомнил. Говорят, что стоит побывать в её тёплых и нежных лучах, как некоторые приятные воспоминания могут вернуться. А стоит лишь нам опуститься в её объятия...

– Вы имеете в виду её поверхность?

– Да, так можно вспомнить и некоторые подробности жизни на ней, – сказал Дир. – Но для этого нам надо войти в цилиндр и принять тело, физическое тело... – он задумался, – как называлось оно? Не могу вспомнить. Вы не помните? – он сосредоточил всю свою энергию мысли. Его взгляд пронзал планету насквозь, видел зелёные берега, голубые просторы океана, снежные шапки величественных гор, и вдруг ему показалось, что он вспомнил:

– Человек, – неуверенно произнёс Дир, поглядывая на, казалось, равнодушного Изо.

– Человечество, – добавил Изо. – Это сообщество называло себя человечество.

– Да, да, вы правы, Изо, – согласился Дир. – Меня искушает соблазн.

– Меня тоже.

– Я слышал, что эти существа, называющие себя людьми, уже давно исчезли с планеты, каких-нибудь два-три световых года назад. Жаль, не правда ли?

– Вы правы, Дир, но мы можем отправиться на аналогичную планету, где обитают существа подобные этим. И испытать те чувства, что и они.

– Это заманчиво, но сейчас у меня другие планы. Лет через сто, пожалуй, можно отдохнуть и развлечься

среди таких существ, почувствовав тот миг, который эти бедняги живут всю свою жизнь, – сказал Дир, всматриваясь в эти отдалённые, чарующие уголки Земли. Его глаза загорелись мимолётным желанием, что не ускользнуло от Изо.

– Тогда, если вы не против, давайте опустимся на эту голубую планету, говорят, что на ней ещё есть жизнь.

– Жаль, что нельзя сохранить воспоминания, которыми наполняется мозг людей, – сказал Дир. – Ведь эта память стирается вместе с утратой тела.

– Да, жаль, – согласился Изо, – тем и привлекательна эта живая плоть. Незнание – вот, что притягивает наше любопытство. А насчёт памяти я с вами согласен. Казалось, всё бы отдал, только бы унести с собой из этого мига жизни хоть крупицу воспоминания, хоть бы один кадр, одно ощущение.

– Это опасно, Изо, ведь материя, говорят, имеет побочные эффекты. Она сладостна, но она впитывает в себя отрицательную энергию, с ней мы тяжелеем и становимся неподвижными.

– Вы это пробовали? – спросил Изо.

– Разумеется, нет. Но я слышал об этом.

– О таких случаях?

– Нет, все, кто возвратились, не сохранили этой чёрной энергии. Разрушение материи приводит к потере памяти и освобождению нашей бессмертной, чистой души. Но там, в грязи, среди этих тел, есть вторая сторона существования, пробуждаемая лишь с приобретением тела.

– Вы меня заинтриговали. Не лучше ли испытать это сейчас, хоть на один раз? – предложил Изо.

– Что ж, я не против, – согласился Дир. – Но вряд ли мы кого-то встретим, эта планета уже пуста много миллионов земных лет.

– Но может нам удастся что-то вспомнить?

Они оба ещё раз взглянули на мерно вращающуюся голубую планету, так манящую их. И они поддались искушению.

Войдя в цилиндр, они выбрали по прекрасному образчику забытого человеческого рода. Опустившись на поверхность, они вышли из сферы. Место, где они приземлились, казалось, пустынным: камни, песок, вдалеке на холме виднелась зелень. Их прекрасные обнажённые мужские тела ласкал тёплый ветерок, в воздухе чувствовалась свежесть, солнце периодически пряталось за тёмными облаками, где-то раскатами гремел гром. Несколько птиц пролетело над их головами.

– А здесь, похоже, ещё теплится жизнь, – заметил Дир.

– Это неразумные существа. Люди, чьи тела мы приобрели, уже исчезли, оставив после себя, быть может, какие-то полуразрушенные, полуистлевшие строения.

Жизнь, казалось, здесь протекала очень медленно и незаметно для бурь и изменений Вселенной. Они пошли по песчаной долине к зелёному холму, и спустя время оказались среди засохших деревьев, уже мёртвых, но низкорослые кустарники и вьющиеся растения, овивающие окаменелые вековые деревья, всё ещё отдавали свежестью зелени, всё ещё не сдавались, боролись за существование. Среди таких полуссохших зарослей они обнаружили развалины: две стены ещё держались, испещрённые выбоинами и многочисленными трещинами, крыши не было, внутри такого развалившегося строения природа сотворила горку камней, уступами поднимавшихся к давно исчезнувшей крыше.

– Они когда-то жили здесь, – сказал Дир, усаживаясь на один из камней, лежащих у основания каменной пирамиды.

– Что вы чувствуете? К вам вернулись хоть какие-то воспоминания? – спросил Изо, с любопытством поглядывая на Дира.

– Люди, много людей... вот здесь, где вы стоите... О! Они повсюду.

– Кто?

– Люди, их десятки, нет, сотни тысяч.

– Вы везунчик, а я ничего не чувствую, – признался Изо. И с завистью искущённого гурмана посмотрел на Дира. – Ну же, расскажите, прошу вас. Что вы вспомнили? Эти воспоминания могут быть урывочными, а могут быть и целыми эпизодами жизни человека. Вы ведь тут были, вспоминайте! Может, тогда и я кое-что вспомню.

Дир стал сосредотачивать свою человеческую память, закрыв глаза.

– Толпа, огромная... нет, море людей, – произнес Дир. Его зрачки тревожно бегали под опущенными веками, ухватывая малейшие кадры из памяти и склеивая их в единую картину. – Это превосходно. Они все вместе, дружны, я вижу улыбки на их лицах. Они что-то кричат... Кажется, «Слава!». Да, они кого-то

прославляют. Вижу какое-то возвышение, помост, и на нём несколько человек. Все замолчали и слушают их. О! Как любопытно...

– Что? Что вы видите? Скажите! – настаивал Изо.

– Без сомнения, это...

– Кто?

– Это вы! Да, я вижу вас. Вы стоите на этом помосте и что-то говорите всем этим людям. Вы... о, нет, не может быть...

– Что, расскажите, я стораю от нетерпения. О! Как я завидую вам, – сказал Изо, подходя к Диру.

Неожиданно он увидел среди камней, застывших за спиной Изо, крошечное насекомое жёлтого цвета. Насекомое уже подползло к плечу Изо и стало медленно подниматься по его спине. Но Дир, похоже, не чувствовал этого и продолжал невидимым взором наблюдать ясные картины из прошлой жизни человека, в теле которого когда-то пребывала одно мгновение вечности его душа.

– Вы народный избранник, – сказал Дир.

– Народный? Этот как? – удивлённо спросил Изо.

– Это человек, которому все люди, весь народ доверяет.

– Даже свою короткую жизнь?

– Да, и её тоже. Разве это не прекрасно? Эти люди чисты в своих помыслах, как и мы. Может то, что нам известно о материи – лишь сказки, что бы отпугивать нас от неё. О, я вижу счастье в их лицах. Вы что-то им говорите и они радуются этому.

– Но что я говорю им?

– Вы... вы, кажется, обещаете... нет, клянетесь собственной жизнью, что их жизнь станет легче, прозрачней, лучше. Вы поистине святой человек! Вы им всё это хотите дать. Вне сомнения, все они счастливы, они произносят ваше имя.

– Что ж, я всегда знал, что на Земле так же хорошо жить, как и на других планетах. Значит, всё это...

– Нет, не может быть... – в ужасе произнес Дир, его тело содрогалось от какой-то ужасной боли. Глаза были по-прежнему закрыты.

Крошечное жёлтое насекомое, схожее с жёлтым скорпионом, ужалив Дира за шею, спрыгнуло на камень и скрылось в трещине, оставив на теле Дира крошечную красную точку.

Изо увидел это, но не подошёл к уже лежащему на песке Диру, которого скрутило. Несмотря на жгучую боль, он всё ещё держал глаза закрытыми, а память открытой, чтобы не упустить ни одного кадра.

– Что случилось?! – спросил Изо, спокойно наблюдая за содрогающимся телом.

– Огонь, смерть, кровь, страдания... одни люди убивают других. Этого не может быть!.. они рвут друг друга на части, сколько ненависти я вижу в их глазах. Но... но где же... где вы, я вас не вижу среди них... вот, кажется, нашёл вас... Нет, этого не может быть! Я не верю... – его слова внезапно оборвались, он издал душераздирающий крик и умолк, его тело застыло, он был мёртв.

Изо подошёл к трупу и легонько пнул его ногой, словно не веря, что тело мертво. Убедившись, он развернулся и пошёл обратно, к сфере.

Начал накрапывать дождь, ветер стих и лишь шум лёгкого дождя что-то зловеще нашептывал. Дир спокойно шёл босиком по мокрой земле, разговаривая сам с собой.

– А они действительно ошиблись, полагая, что те человеческие пороки, из-за которых они так боятся чёрную энергию, так вредны и ужасны для нас. Я этого не испытал, когда, проснувшись в цилиндре, обнаружил, что память моя несколько не стёрлась.

Почему они их так побаиваются, даже стёрли их названия: честолюбие, самолюбие, величие, тщеславие? Это великолепно, когда чувствуешь своё превосходство над другими, себе равными! Теперь я знаю, что могу превзойти их всех, и... – он сладостно улыбнулся самому себе за догадку, – покорить, возглавить и, при этом, царствовать во славе всю вечность, ведь я бессмертен.

«Главное теперь, – подумал он, – это избавиться от этого тела. Бессмертному оно ни к чему».

– Хорошо, что я такой один. Я первый, кто сохранил память, умерев здесь когда-то, а вместе с этим сохранил и все достоинства материального мира.

Он поднялся на холм, но к своему удивлению, за ним он не обнаружил сферы. На её месте он к ужасу увидел лишь лёгкий след от корабля. Сфера улетела.

– Нет, этого не может быть! – закричал он в безумии, сжимая от злости кулаки и падая голыми коленями в лужу. Вдруг его осенила чудовищная догадка:

– Я не один такой. Я не первый, кому так повезло – сохранить память тёмной энергии Земли. Я не первый! – с лютым ужасом простонал он.

ПРЕДАННОСТЬ

рассказ

1.

– Это где-то на посёлке Таирова? – спросила София, молоденькая женщина, брюнетка, лет двадцати семи, садясь в «гойоту» на переднее сиденье, рядом с водителем.

За рулем сидела её подруга, крапённая в рыжий цвет женщина лет тридцати пяти с большим бюстом. На её пальцах блестели два золотых кольца с красным и зелёным камнями, которые сразу же бросились в глаза Софии.

– София, привет! – раздался голос мужчины.

Молодая женщина обернулась.

– Миша, ты уже здесь?! – приятно удивившись, сказала София. – Как жена?

Машина поехала.

– Спасибо, отлично, – ответил Михаил, держа в руках какой-то небольшой предмет, запечатанный в плотный пластиковый кулёк.

– Надеюсь, это не очень далеко, – сказала София, разглядывая кольца на руке подруги, которая управляла машиной.

– Минут двадцать, если пробок не будет, – ответила Арина, останавливая машину на перекрестке перед светофором.

– Миша, а что это у тебя в руках, если не секрет? – спросила София, не оборачиваясь.

– Не секрет, – ответил Михаил, – сегодня приобрёл в одном магазине. Для дочери. Точнее, для нашего спаниеля. Это ошейник с поводком.

– Можно взглянуть?

– Да, прошу, – он передал брюнетке покупку.

– Это что, кожа? – спросила молодая женщина, повертев запечатанный товар.

– Да, настоящая. Я давно собирался купить его. Старый оборвался.

– Надеюсь, он удержит твоего спаниеля и в руках будет удобен, – улыбаясь, София вернула запечатанный пакет. – Сколько же ты за него отдал?

– Около тридцати долларов.

– Ого! – удивилась молодая женщина.

– Ради любимца можно пойти и на такую скромную трату, – заметила Арина, нажимая на газ. – Во всяком случае, это ничто по сравнению со стоимостью Акита-ину.

– Не терпится мне посмотреть на неё, – сказала София. – Я у подруги узнала, что Акита-ину стоит около тысячи баксов. Это правда?

– Это очень редкая порода. Сейчас её цена в среднем достигает двух-трёх тысяч.

– Арина, а как ты адрес узнала? Хозяева обратились? – спросил Михаил.

– Нет, Владимир Петрович дал, но с хозяевами он не знаком. Щенку почти три месяца, – ответила Арина, совершая маневр с одной полосы на другую, увеличивая скорость машины. – С его родителями он знаком. Говорит, отличные собаки, кобель с белой шерстью, а сука – рыжая, красная шубка.

– Интересно, какой получится малыш? – сказала София.

– Скоро увидим.

– Я хотела бы его родословную почитать, ты говорила, что у него в роду есть японцы.

– Почти все японцы, – ответила Арина, – дедушка из Кореи, но и он чистокровный Акита.

– А что это за порода? – спросил Михаил. – Я лишь на фото видел. Но меня интересует характер этой собаки. Не злобная? Меня это интересует, как психолога.

– Хм, прежде всего, это служебная собака, – начала Арина, – это умная, сдержанная, мужественная, благородная и преданная хозяину собака.

– Ого! – удивился Михаил, – все эти качества хороши. Каждое в отдельности даже для человека редки, но в совокупности...

– Её взгляд, осанка, походка – источают благородство, – продолжила Арина, – эта порода признана национальным достоянием.

– Я тебя, Арина, слушаю, и уже сама захотела эту собаку, – сказала София.

– А что-нибудь из истории ты можешь рассказать? – спросил Михаил. – Эта порода восточная?

– Говорят, что родом она из Северной провинции острова Хонсю, – ответила Арина. – Причём

Акита – это какая-то горная провинция, а Ину – это по-японски означает собака. Она относится к четырнадцати самым древним породам мира. Говорят, что есть даже античные рисунки с её изображением. На раскопках в Японии был обнаружен скелет этой собаки. Специалисты утверждают, что его возраст около двух тысяч лет, представляете?

– Ничего себе! – удивилась София. – Откуда ты всё это знаешь?

– От нашего босса, Владимира Петровича. Миша, ты же с ним в приятельских отношениях?

– Да, он мой друг, но он мне ничего об этом не рассказывал.

– Понятно, да я два дня назад узнала от него, в офисе.

– Ну, расскажи мне ещё что-нибудь об этой породе, – не выдержала София. – Ты меня заинтересовала, может, заведу и буду разводить эту породу.

– София, ты же знаешь: к этому надо подходить серьёзно и ответственно, – сказала Арина.

– А разве я не серьёзная молодая женщина, – улыбаясь, ответила София.

– В Японии даже было создано общество сохранения Акита-ину. Они следят за чистотой этой породы, чтобы её не скрещивать с другими собаками.

– Я так и буду делать, не сомневайся.

Арина бросила на подругу один из тех взглядов, который понятен лишь женщинам. В этой едва заметной улыбке и прищуренному взгляду можно было прочесть недоверие, иронию, чопорность и любовь к подруге.

Подруга выдержала взгляд, простодушно пожала плечами и сказала:

– Пожалуйста, что-нибудь ещё.

– Её внешность сочетает в себе волка, медведя и лису...

– Да... пожалуй, – сказал вдруг Михаил, – это видно по фотографиям. Но что известно о самой собаке? Как её такой воспитали?

– Ты, Миша, имеешь в виду её богатые качества? – спросила Арина.

– Да, мне интересно, кто её такой сотворил. Например, немецкие овчарки были созданы для службы, отсюда и характер и повадки этой породы, шотландские овчарки когда-то охраняли и пасли овец в горах, пудели – ловили рыб на мелководье, лайки – помогают людям в сложных погодных условиях севера. А для чего была создана эта порода – Акита-ину?

– Я поняла тебя, Миша, дорогой ты наш психолог. Ты, конечно, должен об этом узнать у твоего друга и нашего босса, Владимира Петровича. Но кое-что он мне рассказал об этой породе.

– Мы слушаем с нетерпением, – сказала София, заглядывая в зеркальце, которое вынула из сумочки.

– Их предпочитали отважные самураи. Как я вам уже сказала, эта порода была выведена и долгое время сохраняла свои корни в Японии. Собаки этой породы смелы, послушны, сдержаны. Их использовали для охраны императора.

– О! Это уже интересно, – сказала София, закрывая зеркальце и пряча его в дамскую сумочку.

– Эти собаки были домашними любимцами у государственных деятелей, знати и членов королевской семьи. Признаны чистопородной, без примеси. В общем, это элитная собака. В Японии даже был издан закон: человек, обидевший или убивший эту собаку, подвергался суровому наказанию.

– Как священное животное, – сказал тихо Михаил.

– Что? – спросила София, не расслышав.

– Да так, ничего. Арина, продолжай, пожалуйста.

– Кормление такой собаки, как вы понимаете – это особая церемония, – продолжила Арина, сворачивая в густонаселённый микрорайон, где повсюду громоздились высотные дома. – У каждой такой собаки был личный слуга. Для Акита-ину изготавливался специальный ошейник. По этому ошейнику можно было определить ранг собаки и социальный статус человека.

– Интересно... – произнесла, задумавшись София, – но мне лично эта собака напоминает русскую лайку.

– Глупости, – возразила Арина, поморщив симпатичный, курносый носик, – ничего общего они не имеют. Я знаю, что прародительницей Акита-ину была китайская пшинеобразная собака, смешанная с кровью мастиффов.

– Я так и чувствовала, что здесь не обошлось без благородных мастиффов, – с какой-то нескрываемой гордостью сказала София. – Теперь я больше её хочу. Сегодня ночью я вряд ли усну, ты меня знаешь.

– Арина, а известны какие-нибудь легенды об этой собаке, колы её род такой древний? – спросил Михаил.

– Да, Миша, тебе повезло. Владимир Петрович мне как раз такой рассказал. Только это не миф, а реальная история.

– Арина, пожалуйста, расскажи нам, – взмолилась молодая девушка.

– Ну, хорошо, слушайте. Это произошло в начале двадцатого века. Один японский профессор приобрёл двухмесячного щенка Акита-ину. К сожалению, я забыла, как он назвал собаку.

– Да это неважно! Ну, и что дальше? – спросила София, вся горя желанием услышать живую историю.

– Профессор ухаживал за любимцем, кормил его. А когда пёс подрос и ему исполнилось полтора года, начал брать его с собой до станции, где он садился на поезд, а собака возвращалась домой. Собака провожала хозяина на работу целый год. Но однажды хозяин не вернулся домой, потому что он умер.

Собака же целые одиннадцать лет, каждый день приходила на станцию, и там ждала своего хозяина. Когда пёс умер от тоски по хозяину, жители, видя преданность этой собаки, сбросились средствами и построили собаке памятник. Вот такая печальная история.

Глаза Софии увлажнились, она вынула зеркальце и салфетку из сумочки, протёрла глаза и взглянула на себя, – не растеклась ли тушь на ресницах. От переживаний, которые были вызваны этой историей, она ни слова не могла вымолвить. Вместо неё сказал Михаил:

– Да, интересный случай, – только и всего заметил мужчина.

Машина свернула с главной дороги, проехала несколько кварталов по узкой полосе и остановилась у серого, невзрачного девятиэтажного дома.

– Мы приехали, – сказала Арина, оборвав тишину в салоне, – академика Глушко, дом двадцать шесть, девятый этаж.

Все трое вышли из машины, и подошли к открытой парадной.

– Слава богу, что здесь нет кода, – заметила Арина.

София, как будто только проснулась, какими-то сонными глазами, где пробудилось крайнее удивление, уставилась на потрёпанную деревянную дверь.

– Это же надо! – произнесла она. – Не может быть. Ты куда нас привезла?

– По указанному адресу, – ответила Арина, понимая, что имеет в виду подруга. Она вынула из сумочки блокнот и ещё раз проверила запись. – Да, всё верно. Но... – она с каким-то подозрением, переплетённым с недоверием, осматривала многоэтажку. – Но, может это только внешне.

– Надеюсь.

Михаил ничего не сказал, он открыл дверь и пропустил вперёд дам.

– Удивительно, что лифт здесь работает, – сказала София с отвращением, перемешанным с брезгливостью. Она с ужасом осматривала стены парадной, общего коридора, где местами полопалась краска, почтовые ящики висели под углом, словно они вот-вот отвалятся, а в воздухе был слышен терпкий запах мусорных отходов.

– В этих блочных домах, которые называют чешками, лифт почти всегда исправен, – сказал Михаил, – хотя лет десять назад в этом районе были проблемы с ними. У меня здесь знакомый живёт.

София бросила на Михаила какой-то недоверчивый взгляд, скривив розовые губки.

Мужчина нажал на кнопку, открылась дверь лифта. Тройка вошла, внимательно рассматривая настенные надписи, сделанные, по-видимому, детворой.

– Ну и ну, – только и вымолвила София. Она вся напряглась, в глазах витало волнение, когда лифт тронулся, издавая какой-то гул с подозрительным скрипом. Когда кабина остановилась, и дверь медленно открылась, издавая тот же скрип и жужжание, София, которой десятисекундный подъём показался вечностью, выбежала на площадку первой.

– Фу, слава богу! Вы как хотите, но обратно я пойду по лестнице.

Над их головой, очевидно, на чердаке, что-то загромыхало, застучало и кабинка, закрывшись, стала опускаться.

– Не бойтесь, кто-то вызвал лифт снизу, – успокаивал мужчину, видя, как волнуются женщины.

– Это здесь, – указала на коричневую, деревянную дверь Арина, глядя на номер квартиры.

Они подошли к двери, и Арина нажала на звонок – маленькую зелёную кнопку.

– Ты уверена? – спросила София, поглядывая на подругу.

– Да, София, успокойся, – ответила ей Арина твёрдым голосом. – Сейчас узнаем, – добавила она, отходя на шаг к Софии. Михаил стоял позади дам.

Они ожидали чего-то страшного, но то, что они увидели, было для них полной неожиданностью. В двери щёлкнул замок, она отворилась, и перед ними возник молодой, шуплый мужчина в очках, среднего роста, лет тридцати с небольшим и пробивавшейся лысиной на темени.

– Здравствуйте, – начала разговор Арина, – это вы Пётр Анатольевич?

Два рассеянных карих глаза, увеличенных в стёклах, изучающе посмотрели на потревоживших мужчину людей.

– Пожалуйста, входите, – любезно сказал мужчина, – я совсем забыл, – он отошёл в сторону, пропуская тройку. – Вы Арина Вишневецкая. Это вы мне звонили дня два назад?

– Да, это была я, Пётр Анатольевич.

– Я помню, что к нам должна была прийти комиссия из клуба собак.

– Из общества домашних любимцев, – поправила его София.

– Пожалуйста, проходите на кухню, – предложил Пётр, почёсывая нос, и поправляя очки.

Дверь захлопнулась, последний вошёл Михаил, внимательно осматривая тесный коридор, где едва уместились четверо людей.

– Можете не снимать обуви, – любезно предложил Пётр. Его внешность, голос и речь выдавали в нём интеллигентного человека.

В коридоре стояло несколько шкафов, забравших в нём несколько квадратных метров. Михаил заметил слетевшую с верхней петли, покосившуюся дверцу верхнего отделения шкафа, несколько тёмных пятен на дверцах, местами отошедшие от стен обои того же белого цвета, что и мебель. Дверца одного из узких шкафов, где было прикреплено зеркало, не была плотно закрыта, один ящик в шкафу, по-видимому, плотно не задвигался и, переполненный каким-то мелкими вещами, немного был перекошен. На полу лежал линолеум, потёртый. На его стыках виднелся цементный пол. В двери одной из комнат, где должно было быть прямоугольное стекло, неумело была прибита гвоздями фанера, плотно не прилегавшая к ней. Обстановка квартиры была убогой, везде требовался ремонт.

На кухне, куда вошли гости, на столе стояла чашка кофе и тарелка с яичницей, видимо, молодой человек не то завтракал, не то обедал. Здесь также были надорваны обои, местами свисали, а местами вздулись. Деревянная рама в окне была внизу засаленной, верхний угол стекла был с трещиной. Между мойкой и кухонным столом прошмыгнул коричневый таракан и скрылся в глубинах кухонной утвари. Неумело постеленный на небольшой кухне – метров семь, линолеум местами отставал, а местами отсутствовал.

Мужчина приветливо предложил дамам сесть на стулья без спинок, но женщины, поморщив симпатичными носиками, любезно отказались.

– А где собака?! – почти задыхаясь от не то волнения, не то презрения, не то отвращения, спросила Арина.

– А, он здесь, – простодушно произнёс Пётр, поглаживая висок, – под столом. Обычно он спит в комнате сына, но сегодня...

– Где?! – превозмогая крайнее удивление, вызванное в ней нелепой и нищей обстановкой квартиры, произнесла София, держась за грудь.

Женщины осторожно присели, склонив на бок головы, чтобы заглянуть под стол. Там действительно в картонной коробке, очевидно, из-под обуви, на старом тряпье, бывшем когда-то не то юбкой, не то футболками, лежал на боку рыжего окраса с белыми пятнышками на мордочке и лапках очаровательный щенок и мирно спал.

Женщины в ужасе и крайнем изумлении переглянулись. Возмущение, разогревавшееся внутри них, словно в печи обуглившийся картофель, застряло, не давая возможности им сказать что либо. Справившись с собой, они встали, ещё раз посмотрели друг на друга, словно не верили, что они существуют или всё ещё находятся в реальном мире.

Первой не сдержалась Арина, её дыхание участилось, в словах было заметно волнение, вызванное крайнем возмущением.

– Боже! Какой ужас! – произнесла она, – я не верю своим глазам.

– А это действительно щенок Акита-ину? – спросила София, никогда не видевшая живую эту породу собак.

– Да, кажется, так сказал мой знакомый, у которого родилось четыре таких щенка, – простодушно, не задумываясь над словами женщин и не обратив внимания на их покрасневшие лица, сказал молодой человек. Он лишь потёр лоб, поправил очки, и пододвинул стул к Арине.

- Присаживайтесь, я угощу вас чашечками кофе или... – сказал молодой человек.
- Нет уж, спасибо, – отозвалась Арина, перебивая молодого человека. – Он давно у вас?
- Кто?
- Шенок.

– А, нет, относительно... – молодой человек пытался вспомнить число, – около трёх недель, кажется. Вы знаете, я каждый день хожу на работу... – только теперь он разглядел уже бледные лица молодых женщин, – щенок очень красивый. Мне сказали, что вы... – продолжил он неуверенным голосом, – хотите посмотреть его... Кушает он регулярно, гуляет...

- Откуда вы знаете, как он... – не выдержала София, – вы же каждый день на работе?
- Ну, я возвращаюсь вечером, – осторожно сказал Пётр, глядя на Софию каким-то виноватым взглядом напугавшего школьника.

Несколько капель воды выглянуло из крана и упало в раковину. Это заметила Арина.

– М-да, – многозначительно и с нетерпением произнесла София. – В Японии за ним лучше бы приглядывали, – она посмотрела за реакцией подруги. Та намёк поняла.

– В Японии? – удивился Пётр. – А вы будете чай или кофе? – спросил он Михаила, который был внешне спокоен и ещё ни слова не проронил.

– С удовольствием, чай, если можно, – неожиданно для женщин согласился Михаил.

– Моя жена и ребёнок с ним, – сказал Пётр, поднимаясь и подходя к чайнику.

– А где они? – спросила Арина, глядя на подругу, которая взглядом предлагала ей обследовать всю двухкомнатную квартиру.

– Должны скоро прийти, они у мамы, – пояснил Пётр, наливая чай в чашку и ставя её перед Михаилом.

– Я смотрю, что у вас рамы не плотные, – заметила Арина, – зимой, наверное, сквозит?

– Да, бывает, немного, – согласился Пётр.

Михаил сел за стол, словно его это не касалось, и стал совершенно спокойно похлёбывать из чашки, где поднимался пар.

– У щенка должен быть мягкий домок, с утеплённым полом, – не выдержала София.

– Хм, по-моему, ему и так не плохо, – ответил Пётр.

– Это вам не плохо, а щенку нужен особый уход. Вы его хоть выгуливаете? – спросила Арина с иронией.

– Да, конечно, иногда он ходит на балкон, там у нас для него место для этого есть.

– Ужас, – только и вымолвила София.

– А кормление? – спросила Арина.

– Да он особо непривередлив, – ответил Пётр.

– Непривередлив, – как вам это? – возмутилась София, не пытаясь сдерживаться от эмоций переполнявших её чувствительное сердце.

Арина, видя, что хозяин не понимает, решила внести ясность:

– Вы хоть понимаете, что это особая японская порода. Вам предстоит обучать её. Нужно прививать её: первая вакцина – в десять дней от рождения, вторая – в двадцать восемь, третья – в год и потом ежегодно.

– Её первый хозяин привил, – ответил на это молодой человек, опускаясь на стул и соображая, к чему клонят эти две женщины.

– А прогулки – два раза, минимум по два часа, – продолжила натиск Арина. – Это для физических нагрузок, чтобы она не набрала лишнего веса и не стала ленивой.

– Да я и сам не гуляю столько ежедневно, – возразил молодой человек. – А лень мне только на пользу идёт, – сказал он, глядя в глаза Михаила, который его понял.

Но Арина не поняла иронию и продолжила:

– Собаке нужен сложный уход: вычёсывать шерсть два раза в неделю.

– Специальной щёткой и рукавичками, – поддержала её подруга, с возмущением глядя на молодого человека и удивляясь его спокойствию и равнодушию.

– Купать лишь специальными моющими средствами, – продолжила Арина, – шерсть надо хорошо просушить феном.

Пётр вспомнил, что у них нет фена, а старый, поломанный, где-то валяется на шкафу в одной из комнат. Он уже забыл, когда жена им пользовалась.

– К его питанию надо отнестись особо, – сказала Арина, пробуждая молодого человека от воспоминаний, – ответственно и внимательно. Ни в коем случае не кормить собаку с вашего стола.

– Да? А я частенько ему даю кусочки со стола и вы знаете, он не жаловался. Кстати, это единственное, чем можно его задобрить.

На последнюю фразу женщины не обратили внимания, но она не ускользнула от психолога, внимательно слушавшего и изучавшего.

– Кормить его нужно сухим сбалансированным кормом, – продолжила Арина.

– Вы что, отравить его хотите?! – возмутилась София.

Михаилу показалось, что если бы его и Арины здесь не было, то София набросилась бы на молодого человека, как проголодавшаяся тигрица.

– Ему ваша пища не подходит, вам же говорят! – сказала София, поглядывая на подругу.

– Что же, по-вашему, он ест? – спросил Пётр, поглядывая сквозь очки на Арину.

– Нежирный творог, кефир, постный кусок мяса, овощной бульон, чистая и свежая вода, – сказала Арина, поглядывая в небольшое пустое блюдо, лежащее у ножки стола, рядом с коробкой, где спал щенок.

– Вы хоть воду меняете? – спросила София, проследив взгляд подруги.

– Конечно, меняем, – ответил Пётр, почёсывая нос.

– У него же нет воды в блюде, – заметила Арина.

– Да, в самом деле, наверное, выпил. Я налью. Ест он хорошо.

– Не сомневаюсь, – сказала София тоном, который отражал сомнение.

– И корм у нас есть, он в шкафу.

– Надеюсь, он со специальными добавками.

– С добавками? – удивился Пётр. – Не знаю, корм для собак, какой продают в зоомагазинах.

– Эти добавки нужны для хорошего роста собаки и здоровой шерсти, – пояснила Арина.

– Ясно.

– А мне не всё ясно, – сказала София, уводя подругу в коридор. – Вы позволите осмотреть всю квартиру, где обитает щенок?

– Да, пожалуйста, – приветливо сказал молодой человек.

Женщины проследовали в коридор, открывая двери то в туалет, то в ванную, посекундно охая и ворчливо, негативно выражаясь. Осмотрев санузел, от которого парочка, привыкшая жить и видеть лишь комфорт и евроремонт, была в ужасе, дамы с опаской вернулись в коридор, откуда осторожно заглянули в комнату, приоткрыв дверь.

Мужчины остались одни и невозмутимо наслаждались чаем. Первым заговорил Михаил, выводя хозяина квартиры из раздумий.

– Скажите, Пётр...

– Анатолевич.

– Пётр Анатолевич, вы где работаете?

– В школе, преподаю географию, девятый и десятые классы, – ответил Пётр.

– Вы школьный учитель.

– Да, совершенно верно.

– Скажите, а как к вам попал этот щенок?

– У меня есть ученик из десятого. Я готовил его по своему предмету. А он мне предложил щенка, сказал, что он очень красивый.

– Вы знаете, что это необычная собака?

– Вы имеете в виду, что она дорогая, породистая?

– Да, это редкая японская порода. Таких собак в городе очень мало.

– Кажется, он что-то говорил такое, но, сами понимаете, дарёному коню в зубы не смотрят, – ответил Пётр. Моему сынишке недавно исполнилось девять лет. Я и решил ему подарить его.

– Что ж, отличный подарок, – улыбнулся Михаил.

– Да, я тоже так думаю, и вы знаете...

В этот момент вошли женщины, у которых на лицах Михаил прочитал какое-то сложившееся решение, которое они вывели для себя, делая осмотр квартиры.

– Ты ещё балкон не видел, Миша, – выпалила Арина.

– Там какие-то доски, ржавые инструменты, – добавила София, почти задыхаясь от волнения.

– Да, понимаете, там я держу... – решил оправдаться Пётр, но в этот момент едва послышалась какая-то возня под столом и слабый визг.

Арина жестом прервала пояснения молодого человека. Женщины осторожно и с любопытством, проснувшись в них, подошли к столу, и присели на корточки. Щенок чёрными глазками уставился на женщин, потом завизжал и сел в своей коробке, не отрывая взгляда от новых лиц.

– Привет, маленький, – ласково сказала София, протягивая щенку руку.

Но вместо взаимного добродушного интереса к незнакомому существу, так нежно глядевшему на него, он опустил голову, не сводя своего внимательного взгляда, а потом внезапно залаял, чем напугал от неожиданности наивное сердце молодой женщины. София быстро отняла руку, вспоминая слова Арины о сторожевых возможностях и необычности характера этой породы собак.

– Она что, хотела меня укусить?! – удивлённо, всё ещё улыбаясь, сказала женщина.

– Не думаю, он просто вас вежливо предупредил, – сказал Пётр.

– Ты сейчас необдуманно поступила, – заметила Арина.

– Но мне так хотелось к нему прикоснуться.

– Я и сам подхожу к нему лишь с каким-нибудь кусочком еды, – сказал Пётр.

– Он у вас какой-то недружелюбный, – заметила София. – Вы его бьёте, если он не слушается?

– Нет, ну что вы.

– Тогда почему же он такой...

– Не приветливый? – спросил Пётр. – Он довольно добродушный и весёлый, когда играет с моим мальчиком.

– С ребёнком?! – как-то странно, недоверчиво удивилась София.

– Да, с моим Сашей, мальчику недавно исполнилось девять, вот мы ему и сделали такой подарок.

– М-да, лучше бы какую-то игрушку ребёнку купили, а не живую собаку, – пробубнила София.

– Ну что ж, – сказала Арина, – мы всё у вас осмотрели, нам всё ясно...

– Как, вы уже уходите?

– Да, о своём решении мы сообщим председателю общества.

Мужчины поднялись и все четверо проследовали один за другим, по узкому коридору к входной двери.

– Я чувствую, что вы негативно настроены, – тихо, нерешительно сказал Пётр. – Обстановка, может, уход вас смущает, но поверьте, что мы его любим и ему у нас нравится. Он привык к нам, хоть и так мало времени прошло. Это удивительно...

– Да, нравится, – с какой-то иронией повторила София, – я не сомневаюсь.

– Понимаете, он так привык к нему, – сказал молодой человек, чувствуя в разговоре с молодой женщиной её недовольство и какое-то раздражение.

– Спасибо за чай, всего вам доброго, – сказал напоследок Михаил.

Из-за Софии, не терпевшей странное жужжание и скрип в лифте, они стали спускаться по ступенькам.

– Я просто возмущена, – сказала Арина. – Такое содержание, обстановка, это кошмар, как в фильмах ужасов, ты ещё не видел их комнаты.

– Ничего удивительного, – ответил Михаил, который, казалось, был невозмутим и спокоен. – Здесь, на Таирова многие живут в таких скромных условиях.

– Да это их дело, как жить, – возмутилась София. – Но при чём тут собака?!

На это Михаил ничего не ответил.

– Арина, а ты уверена, что получится? – вдруг спросила София, когда они подходили ко второму этажу.

– Немного надавим, кое-что прижмём, есть ведь законы, и они на нашей стороне, – ответила подруга.

– На стороне несчастного щенка, – добавила София.

– Да, ты права.

– Боже, мне даже не верится, – её глаза просияли каким-то ожидаемым счастьем, – он такой славный.

А вы видели, как играет его красный пушок на спинке и мордочке? Просто очаровашка, так и зацеловала бы его.

В этот момент, когда они спустились на первый этаж, в подъезде вошла молодая женщина и ребёнок. Пропуская двух дам, молодая женщина и мальчик, лет девяти, прислонились к стене.

Михаил подождал на площадке, когда его знакомые выйдут из парадной. Он пропустил женщину и мальчика к лифту, а сам стал медленно спускаться к входной двери. Позади себя он услышал восторженный голос мальчика, который, по-видимому, был чему-то несказанно рад. От детского счастья, которое, несомненно, переполняло мальчика, он становился на носочки и даже подпрыгивал от радости, говоря матери:

– Мама, мама, давай скорее... он же соскучился, он ждёт меня... – говорил мальчик, прыгая вокруг неё от нетерпения.

– Подожди, Сашенька, будь терпеливее, твой друг никуда без тебя не уйдёт.

Михаил проводил до машины дам, а сам сказал, что у него в этом районе есть дела.

– Надеюсь, Миша, вы тоже составите отчёт для Владимира Петровича, – сказала Арина, садясь в машину.

– Не сомневайтесь, как психолог я обязан сделать отчёт и дать его председателю, – ответил Михаил.

– Ты не откладывай это, всё надо завершить в три дня, не более, – сказала Арина, заводя мотор.

Машина укатила, скрывшись за поворотом, а Михаил остался стоять, он как будто чего-то ожидал. И действительно, не прошло и пяти минут, как из парадной выбежал мальчик, держа в руках красно-белого щенка. Мальчик опустил его на травку и стал с ним играть. Мужчина, стоявший в одиночестве у парадной, внимательно наблюдал за мальчиком, лицо которого сияло от счастья, и щенком, который резвился вокруг мальчика, то бегая между его ног, то приносясь к траве, то забавно лая, то облизывая мальчику руки.

Спустя полчаса Михаил стоял на остановке, в ожидании маршрутки, а маленький Саша со своим юным другом влетели в комнату, где сидел отец за столом, работая с книгами.

– Пап, пап! Погляди, что мне дал дядя, – мальчик держал в руках кожаный ошейник и поводок. Щенок не отставал от своего девятилетнего хозяина, к которому он так крепко привязался и которого полюбил всем своим собачьим сердцем, навечно преданным лишь ему.